

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 25

НАСЛЕДНИЦА

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Наследница

Серия «ПАЗЛ», книга 25

<https://litres.ru/74204288>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тихий провинциальный городок хранит тайны, о которых лучше не знать. Когда бухгалтер Вера Соколова получает в наследство старую квартиру от женщины, о которой никогда не слышала, она думает, что это лишь странный поворот судьбы. Но за облупившимися стенами скрывается нечто более жуткое — коллекция чужих судеб и пугающие следы прошлого, от которого невозможно спрятаться.

Один за другим всплывают факты, ведущие к правде: её отец, пропавший много лет назад, исчез не случайно. За каждым шагом следит тень соседа, чья улыбка скрывает хладнокровный расчёт. Прошлое оживает, превращаясь в смертельную ловушку, где каждый неверный шаг может стать последним. Удастся ли Вере разорвать порочный круг и найти свою мать, или она станет последним трофеем в чужой зловещей игре?

«ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ 1. ЧУЖАЯ КВАРТИРА	13
ГЛАВА 1	13
ГЛАВА 2	23
ГЛАВА 3	30
ГЛАВА 4	39
Г	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мурат Карадениз

Наследница

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Лампочка раскачивалась на тонком проводе, и тени от неё ползли по бетонным стенам, ломались о трещины, уползали в углы. В подвале пахло сыростью, плесенью и чем-то сладковатым, приторным — Зинаида знала этот запах слишком хорошо. Он въелся в стены за долгие годы, за десятки ночей, за каждый раз, когда она спускалась сюда с ключом в руке.

Она стояла в центре комнаты, в нескольких шагах от старого стула с облупившейся краской. На стуле сидела девушка. Шестнадцать лет, не больше. Бледное лицо, тёмные круги под глазами, руки сжаты в кулаки на коленях. Она не плакала. Слезы закончились несколько часов назад, когда Зинаида впервые спустилась сюда с фотографией.

Зинаида смотрела на девушку и видела ту, которую искала двадцать шесть лет. Ту, которая сбежала. Ту, которую она сама отпустила, нарушив все правила. Но сейчас перед ней сидела не та Вера. Это была другая. Похожая — до дрожи, до боли. Те же глаза. Те же скулы. Та же линия губ. Но не она.

Зинаида сжимала в пальцах фотографию. На снимке была та же девушка, но моложе — лет тринадцать, в школьной форме, с длинными волосами, заплетёнными в косу. На обороте чернилами, давно выцветшими до коричневого: «Вера, 1999».

— Ты не Вера, — сказала Зинаида. Голос был сухим,

хриплым, как шорох бумаги. — Ты просто похожа.

Девушка подняла голову. На её лице не было страха — только усталость, глубокая, выжженная до дна, и холодная решимость, которая держалась на одном лишь упрямстве. Губы дрогнули, но она сжала их.

— Но он в это не поверит, — продолжала Зинаида. Она слышала, как собственный голос дрожит, как пальцы, сжимающие фотографию, начинают мелко трястись. — Он убьёт тебя. Он думает, что ты — она. Что ты вернулась.

— Пусть убьёт, — ответила девушка. Голос тихий, но ровный. Ни одной ноты страха. Словно она уже пережила всё, что можно пережить.

Зинаида вздрогнула. Она наклонилась, заглянула в глаза той, кто сидел на стуле. Чужие глаза. Но такие знакомые.

— Ты не понимаешь. Он не просто убьёт. Он будет делать это долго. Медленно. Он умеет заставлять людей кричать. Я видела это. Я слышала это.

Девушка усмехнулась. Горько, с вызовом.

— Я не буду кричать. Я уже всё решила. Если он убьёт меня — значит, так надо.

— Зачем? — прошептала Зинаида. — Зачем ты пришла?

— Я хотела найти её. Ту, что на фото. Ту, что похожа на меня. Я думала, она — моя мать. Или сестра. Я не знаю.

Зинаида закрыла глаза. В груди что-то сжалось, боль ударила под рёбра, перехватила дыхание. Она знала, что скажет дальше, но не могла остановиться.

— Она твоя мать, — сказала Зинаида. — Я — её мать. Твоя бабушка. Она сбежала от нас. От меня. От него. И я не знаю, где она.

За спиной, в темноте коридора, послышались шаги. Тяжёлые, медленные, вбивающие в бетон каждую подошву. Зинаида узнала их. Она слышала их тысячи раз, и каждый раз они приносили страх.

Она обернулась.

В проёме стоял Костин. Свет лампочки падал на его лицо — седые волосы зачёсаны назад, на лбу глубокая морщина, на губах — лёгкая, привычная улыбка. Он был в светлом пиджаке, несмотря на августовскую ночь. В правой руке держал верёвку, аккуратно сложенную кольцами. Левую руку держал в кармане пиджака, чуть оттопыривая полы.

Пахло от него табаком и старой кожей. И чем-то ещё, металлическим, от чего Зинаиде становилось тошно.

— Ты всегда давала, Зина, — сказал он. Голос был вкрадчивым, почти ласковым, но под ним лежала сталь — как под мягкой тканью лезвие ножа. — Почему сегодня отказываешься?

Зинаида сделала шаг назад, заслонила собой девушку. Плечи расправила, хотя внутри всё дрожало. Она чувствовала, как пот стекает по спине, как сердце колотится о рёбра.

— Эту я не дам. Она не та, кого ты ищешь. Это просто девочка. Случайность. Она пришла в квартиру, увидела фотографии. Она ничего не знает.

Костин шагнул в круг света. Верёвка скользнула по его ладони, мягко, по-змеиному, обвилась вокруг запястья.

— Случайностей не бывает, — ответил он. — Она пришла сюда. Она видела. Теперь она часть проекта.

— Проект кончился! — голос Зинаиды дрогнул, сорвался на хрип. — Я сказала — хватит! Я больше не хочу! Я не буду убивать!

Костин остановился. Наклонил голову, разглядывая её, как букашку на стекле.

— Ты не хочешь, — повторил он. — А я хочу. Я всегда хотел. Ты просто исполнитель. Я — тот, кто решает. И я решил — проект будет завершён. Эта девочка — последняя. После неё мы закончим. Обещаю.

Он шагнул к стулу. Зинаида выставила руку, пытаясь его остановить, но он оттолкнул её — легко, почти небрежно, одним движением плеча. Она ударилась спиной о стену, боль вспыхнула в лопатках, ноги подкосились. Она сползла на пол, локти разъехали по пыльному бетону, пальцы вцепились в шершавую поверхность стены.

Костин наклонился к девушке. Верёвка легла на её плечи, скользнула по шее. Девушка не дёрнулась. Смотрела на него снизу вверх, глаза в глаза. В них не было страха — только вызов.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он.

— Тот, кто убивает людей и хранит их фото, — ответила она.

Костин улыбнулся шире. Наклонился ближе, почти коснулся её лица.

— Я тот, кто решает, кто исчезает. Ты исчезнешь сегодня. Ты не первая и не последняя. Но ты — особенная. Ты похожа на неё. На ту, что сбежала. На мою Веру. Я искал её двадцать шесть лет. И я найду её. А ты станешь моим последним трофеем.

Он накинул верёвку на её шею. Девушка дёрнулась — впервые, рефлекторно, руки вцепились в верёвку, пальцы побелели. Глаза расширились, в них мелькнул страх — неконтролируемый, животный.

Зинаида попыталась встать. Ноги не слушались, колени дрожали, пальцы скользили по стене. Она протянула руку, рот открылся — но из горла вырвался только хрип.

Костин затянул петлю.

Девушка захрипела, её тело выгнулось на стуле.

И в этот момент лампочка над головой мигнула. Раз. Другой. Третий — и погасла.

Темнота стала абсолютной. Вязкой, как смола. Слышно было только дыхание — чужое, прерывистое, и шорох верёвки, трущейся о кожу.

Потом — звук. Глухой, мокрый удар. Что-то тяжёлое упало на бетон.

Зинаида замерла. Она слышала, как Костин шарит в темноте, как верёвка шуршит по стене, как его проклятие — короткое, злое — эхом отскакивает от бетона. Слышала, как

шаги удаляются в сторону коридора, как дверь скрипит, открывается и хлопает.

А потом — его голос, далёкий, сдавленный:

— Она сбежала. Проклятье. Ты её отпустила. Я знаю. Я знаю, что это ты. Тебе конец.

Лампочка снова зажглась. Моргнула дважды и загорелась ровным, тусклым светом. Тени снова заползли в углы.

Стул был пуст.

Верёвка лежала на полу, аккуратной петлёй, будто её сняли и положили специально. Никаких следов борьбы. Только маленькая блестящая заколка у ножки стула — единственное, что осталось от девушки.

Зинаида сидела у стены. В руках она сжимала фотографию, мятую, с загнутыми краями. На снимке улыбалась та же девушка — та, что только что сидела на стуле, та, что исчезла в темноте. Та, что была похожа на её дочь.

Зинаида прижала фото к груди. Пальцы тряслись, по щеке скатилась слеза — первая за много лет.

— Прости, — прошептала она в пустоту. — Прости, дочка.

Из темноты коридора донёсся голос. Тот же, вкрадчивый, почти ласковый. Но теперь в нём звучала сталь, и холод от него шёл по спине.

— Ты отпустила её. Я знаю. Я всегда знаю. Теперь я найду её сам. И убью. А ты будешь смотреть, как она умирает. Это твоё наказание, Зина. Ты хотела спасти одну — потеряешь

обеих. Я найду её, где бы она ни была. В этом городе. В этой стране. Где угодно. Она — последняя. И я закончу то, что начал.

Зинаида подняла голову. В проёме стоял Костин. Свет падал на его лицо, выхватывая глубокие морщины и холодные глаза. Он держал в руках фотографию — ту самую, что лежала у Зинаиды на столе. Он взял её, пока она не видела. Смотрел на снимок с той же улыбкой, что и всегда — с любовью и ненавистью, смешанными в одно.

— Она никуда не уйдёт, — сказал он. — И ты знаешь это. Ты знаешь, что я найду её. Я всегда нахожу.

Зинаида смотрела на него. Её пальцы всё ещё сжимали фото, но она уже не чувствовала их. Внутри была только пустота.

— Она уже далеко, — прошептала она. — Ты никогда не найдёшь её. Я спрятала её от тебя. В другом городе. Под другим именем. У неё своя жизнь. Своя дочь. Ты не найдёшь её.

Костин шагнул к ней, опустился на корточки, заглянул в глаза. От него пахло табаком и старой кожей, и этот запах заполнил всё пространство между ними.

— Ты думаешь, я не знал, что ты прячешь её? — сказал он, почти шёпотом. — Я знал. Я ждал. Я хотел, чтобы она выросла. Чтобы у неё была своя жизнь. Чтобы она пришла к тебе однажды. И тогда я забрал бы вас обеих. Сразу.

Он встал, развернулся и пошёл к двери. На пороге обернулся. Лампочка качнулась, и тени на его лице дрогнули.

— Она придёт, — сказал он. — Я знаю. И когда она придёт — я буду готов. Встретимся.

Дверь за ним захлопнулась. Бетонный пол дрогнул от удара.

Зинаида осталась одна. Сидела у стены, сжимая в руках фотографию. Девушка на снимке улыбалась. Та же улыбка, что у Веры, когда та была маленькой. Та же улыбка, что Зинаида помнила.

Она поднесла фото к губам, закрыла глаза.

И в темноте подвала осталась только тишина. Тяжёлая, давящая, как бетонные стены.

Зинаида знала — он вернётся. Он всегда возвращался. И однажды, когда Вера придёт — он будет ждать.

ЧАСТЬ 1. ЧУЖАЯ КВАРТИРА

ГЛАВА 1

Вера Соколова стояла у железной двери, сжимая в ладони холодный металл ключа. Нотариус в Рязани протянул ей его час назад вместе с конвертом, в котором лежало свидетельство о праве на наследство. «Ваша тётка, Зинаида Петровна, оставила вам квартиру в Иваново. Она не называла вашего имени в завещании, но сказала, что вы её единственная родственница. Мы не знали, что у неё есть семья».

Вера слушала нотариуса и чувствовала только пустоту. Тётка. У неё была тётка. Мать никогда не говорила о сёстрах. Отец пропал в девяносто третьем, мать умерла в две тысячи пятнадцатом, и Вера осталась одна. Она привыкла к одиночеству. Оно стало её фоном, её воздухом. Но сейчас, стоя перед этой дверью в незнакомом городе, она чувствовала, как внутри что-то шевелится — тёмное, холодное, чужое.

Иваново встретило её серым небом и морозящим дождём. С утра она выехала из Рязани на своей старой «Ладе», и четыре часа дороги стёрли все мысли, оставив только гул мотора и мелькание придорожных столбов. Она не слушала музыку, не включала радио. Ей нужно было тишину, чтобы переварить новость. Но она так и не переварила.

Дом номер семь по улице Красной Армии оказался старым, с облупившейся краской на фасаде, с трещинами, расчертившими стены, как вены на старческой коже. Подъезд пах кошками, табаком и чем-то сладковатым, гнилостным. Вера поднялась на второй этаж. Половицы скрипели под ногами, перила шатались. Она нашла дверь с табличкой «3», вставила ключ. Замок щёлкнул, и дверь открылась.

Внутри было темно. Пахло нафталином, пылью и ещё чем-то — старыми вещами, которые никто не трогал годами. Вера нащупала выключатель. Лампочка моргнула и загорелась тусклым жёлтым светом. Она осмотрелась. Маленькая прихожая с вешалкой, на которой висело старое пальто. Дальше — комната. Диван с продавленной спинкой, книжный шкаф, набитый потрёпанными корешками. На подоконнике — засохшая герань в горшке. На стенах — выцветшие обои в цветочек.

Вера сделала шаг вперёд. Пол скрипнул. Она остановилась посреди комнаты и перевела дыхание. Она не знала, что искала. Просто смотрела.

И тогда она увидела стол.

Старый, деревянный, с резными ножками. На столе — стопка фотографий. Аккуратно разложенных в три ряда. Тридцать снимков, судя по количеству. Вера подошла ближе. Сердце забилося быстрее — она не понимала почему. Может, из-за ровных рядов. Из-за порядка. Она сама бухгалтер, она любит порядок. Но здесь порядок был странным, почти

ритуальным.

Она взяла первую фотографию. Мужчина в очках, с жидкими волосами, зачёсанными набок. На обороте — подпись: «Олег Морозов, 1992». Вера перевернула снимок, посмотрела на лицо. Незнакомое. Положила на место. Взяла вторую. Женщина с короткой стрижкой, в платке, серьёзное лицо. «Светлана Нестерова, 1993». Третья. Мужчина с усами, улыбается в объектив. «Николай Гущин, 1994». Четвёртая. Женщина с длинными волосами, грустные глаза. «Татьяна Романова, 1996».

Вера перебирала фотографии, и пальцы начинали дрожать. Она не знала этих людей. Ни одного. Они были чужими. Но все они были здесь, в этой квартире, на этом столе. Аккуратно разложенные, как картотека. Как коллекция.

Она взяла следующую — и застыла.

Мужчина с тёмными волосами, с лёгкой щетиной, с глазами, которые она помнила. Она помнила их из детства, из снов, из старых фотографий, которые мать прятала в шкафу. Она помнила его улыбку, хотя прошло больше тридцати лет. На обороте — подпись: «Сергей Соколов, 1993».

Вера сжала фото. Края бумаги впились в ладонь. Она не дышала. Она просто смотрела на лицо отца. Того, кто ушёл за хлебом в ноябре девяносто третьего и не вернулся. Того, кого она искала всю жизнь. Того, о ком мать говорила: «Он ушёл, и больше мы его не видели».

А он был здесь. В Иваново. В квартире женщины, которую

Вера никогда не знала. Среди тридцати других незнакомцев.

Она села на диван. Пыль взметнулась, щекотала ноздри. Она не чувствовала её. Она смотрела на фото отца, и внутри неё поднималось что-то тёмное — не горе, не ярость, а холодная, колючая тяжесть. Она не знала, что чувствовать. Она привыкла к порядку, к числам, к таблицам. Она не привыкла к чувствам.

— Зачем? — прошептала она в пустоту. — Зачем ты здесь?

Никто не ответил.

Она положила фото на стол, рядом с остальными. Посмотрела на них. Тридцать лиц. Тридцать чужих людей. И один родной.

Вера встала, прошла по комнате. Кухня — маленькая, с газовой плитой, с ржавым смесителем. Ванная — тесная, с облупившейся эмалью на ванне. Кладовка — узкая, с деревянным шкафом у дальней стены.

Она открыла дверцу шкафа. Внутри было пусто. Только на нижней полке лежал ключ.

Старый, железный, с круглой головкой. На поверхности — выцарапанная цифра «14». Вера взяла его. Металл был холодным, шершавым на ощупь. Она перевернула ключ — на другой стороне была ещё одна царапина, похожая на букву «П». Подвал? Погреб?

Она вышла из кладовки, прошла в прихожую. Открыла входную дверь, выглянула в коридор. Напротив — дверь с

табличкой «4». Рядом — пустая стена. Слева — лестница вниз. Вера спустилась на площадку первого этажа. В углу — металлическая дверь с облупившейся краской. Над ней — табличка «Подвал».

Она вставила ключ в замок. Он вошёл легко, мягко, как будто его ждали. Повернула. Замок щёлкнул.

Вера открыла дверь.

За ней — лестница вниз, в темноту. Света не было. Только сырой, холодный воздух ударил в лицо, запах земли, плесени и ещё чего-то — сладковатого, знакомого. Того же, что витал в подъезде.

Она шагнула на первую ступеньку.

— Вам туда не надо, — раздался голос за спиной.

Вера обернулась.

На лестничной площадке стоял пожилой мужчина. В очках, в сером свитере с высоким воротом, в тёмных брюках. Седые волосы зачёсаны назад. В руках — старая книга в потёртой обложке. Он смотрел на неё спокойно, с лёгкой улыбкой. Глаза за стёклами очков были холодными, прозрачными, как осенняя вода.

— Я Владимир Сергеевич, — сказал он. — Ваш сосед. Квартира напротив. Я знал Зинаиду.

Вера закрыла дверь подвала. Ключ остался в замке.

— Вы Вера? — спросил он. — Племянница?

— Да, — ответила она.

Он шагнул ближе. От него пахло табаком и старой кожей.

— Я слышал, Зинаида оставила вам квартиру. Хорошая была женщина. Жаль, что ушла. Сердце. Всё случилось быстро. Мы часто пили чай, обсуждали книги. Она была мудрой.

Вера смотрела на него. Внутри что-то царапало, не давало покоя. Но она не знала, что это.

— Вы знали мою тётю? — спросила она.

— Двадцать лет по соседству. Она часто говорила о вас. Берегла ваши фотографии. Говорила, что вы её единственная родня. Поэтому и оставила квартиру.

— Она никогда не говорила обо мне. Я не знала о ней.

— Наверное, не успела, — он вздохнул. — Болезнь. Всё случилось быстро. Но она хотела, чтобы вы были здесь.

Вера смотрела на него. Всё звучало гладко, правильно. Но внутри неё шевелился холодок.

— А что в подвале? — спросила она. — Почему вы сказали «туда не надо»?

Костин улыбнулся. Улыбка была мягкой, почти доброй.

— Зинаида хранила там старые вещи. Фотографии, документы. Она была коллекционером. Любила историю. Подвал был её маленьким музеем. Но там ничего ценного, поверьте. Пыль да паутина. И сырость, которая вредит здоровью. Не ходите туда, особенно ночью.

Он посмотрел на дверь подвала. Вера заметила, как его пальцы, держащие книгу, чуть дрогнули.

— Я не ходила, — сказала она.

— Вот и хорошо, — Костин улыбнулся шире. — Тогда я

оставлю вас. Если что-то понадобится — стучите. Я напротив. Всегда дома.

Он повернулся и пошёл к своей двери. Вера смотрела ему в спину. Он двигался медленно, плавно, как человек, который привык никуда не спешить. Зашёл в квартиру, прикрыл дверь. Щелчок замка.

Вера осталась одна в коридоре.

Она повернулась, вытащила ключ из замка подвала. Посмотрела на него. Цифра «14». Буква «П». Она не знала, что это значит. Но чувствовала — это начало.

Она вернулась в квартиру, закрыла дверь, задвинула цепочку. Подошла к столу. Снова взяла фото отца. Сергей Соколов, 1993 год. Он улыбался. Как будто знал, что она его найдёт.

Она села на диван, сжала фото в руках. За окном вечерело. В темноте за стеклом зажглись первые огни.

Телефон завибрировал в кармане. Она достала его, посмотрела на экран. Неизвестный номер. Ответила.

— Алло?

Молчание. Только дыхание. Тяжёлое, с хрипом, как у человека, который долго бежал.

— Кто это? — спросила Вера.

Тишина.

— Я перезвоню в полицию, — сказала она.

В трубке щёлкнуло. Сброс.

Вера смотрела на экран, на номер, который не определил-

ся. Набрала обратный вызов. «Абонент недоступен».

Она убрала телефон, снова посмотрела на фото отца. Потом — на ключ от подвала. Потом — на стопку фотографий. Тридцать чужих лиц. Тридцать чужих судеб.

И одна — её отца.

Вера подошла к окну, раздвинула шторы. За стеклом — мокрый двор, фонарь, разбитая скамейка. И фигура. Мужчина в сером пальто, с седыми волосами, с книгой в руках. Стоял под фонарём и смотрел на её окно.

Костин.

Вера дёрнула штору, задвинула её обратно. Постояла секунду, потом выглянула снова.

Фигуры не было. Только мокрый асфальт и окурок, дымящийся на земле.

Она отошла от окна, села на диван. Внутри было пусто. И холодно. Она сжала фото отца, поднесла его к груди.

— Я найду правду, — прошептала она в тишину. — Что бы ни случилось.

Телефон снова зажужжал. Сообщение с того же номера: «Ты не одна. Он следит. Будь осторожна. Не доверяй соседу».

Вера посмотрела на экран. Набрала ответ: «Кто ты?»

Через минуту пришло сообщение:

«Та, кто знает правду. Приходи на улицу Ленина, дом 14, квартира 14. Ключ у тебя».

Вера застыла. Улица Ленина, дом 14, квартира 14. Ключ

с цифрой «14». Она сжала его в ладони.

Она не знала, кто написал. Не знала, можно ли доверять. Но она знала одно — она должна узнать правду.

Она встала, надела пальто, положила ключ в карман. Вышла из квартиры, закрыла дверь, спустилась по лестнице.

На улице было темно, мелкий дождь моросил, оседал на лице, смешивался с потом, который выступил на лбу. Она пошла по тротуару, сверяясь с навигатором.

Улица Ленина, дом 14. Старое здание, такое же обшарпанное, как её дом. Она открыла дверь подъезда, нашла квартиру 14 на втором этаже. Ключ подошёл. Замок щёлкнул.

Она вошла.

Внутри пахло тем же, что и в квартире Зинаиды — нафталином, пылью. Но здесь было больше вещей. Фотографии на стенах. Документы на столе. Дневники на полках.

Она подошла к столу. Открыла верхний ящик. Внутри — блокнот в кожаной обложке. Она взяла его, открыла на первой странице.

«Проект "Исчезновение". Жертва №1 — Олег Морозов. 12 мая 1992. Исполнитель — Зинаида. Я — свидетель».

Вера застыла.

Она перелистнула страницу.

«Жертва №2 — Светлана Нестерова. 23 сентября 1993. Зинаида. Я — свидетель».

Ещё страница.

«Жертва №3 — Сергей Соколов. 15 ноября 1993. Случай-

ный свидетель. Убрали по необходимости. Исполнитель — я. Владимир Костин».

Вера сжала блокнот так, что побелели костяшки.

Костин.

Он убил её отца.

И он был прямо за стеной, в своей квартире. Всегда рядом. Всегда ждал.

Телефон в кармане снова зажужжал. Она достала его.

Сообщение: «Ты всё поняла. Теперь ты знаешь правду. Не показывай ему, что ты знаешь. Убирайся оттуда. Сейчас».

Вера услышала шаги на лестнице. Тяжёлые, медленные, знакомые. Те же шаги, что она слышала в подъезде. Шаги Костина.

Она закрыла блокнот, сунула его в сумку. Схватила ключ. Выбежала из квартиры, прикрыла дверь. Скатилась по лестнице на первый этаж, выскочила на улицу.

Сердце колотилось, руки дрожали.

Она бежала по мокрым улицам, не останавливаясь. Дождь хлестал по лицу, но она не чувствовала его.

Она знала теперь.

Костин убил её отца. И он знал, что она здесь.

Она не остановится. Она найдёт правду до конца. Что бы ни случилось.

ГЛАВА 2

Вера стояла на лестничной площадке, сжимая в кармане пальто старый ключ с выцарапанной цифрой «14». Пальцы нащупывали металл, холодный, шершавый, с острыми краями царапин. Она смотрела на дверь подвала. Металлическая, облупившаяся, с ржавыми петлями. В углу лестничной клетки висела паутина, на полу — окурок и мокрый след от чьей-то обуви.

Вера не знала, что она ищет. Может, ответы. Может, просто правду. Она была бухгалтером, она привыкла к цифрам, к балансам, к чётким отчётам. Но здесь всё было зыбким, размытым, как старые фотографии на столе. Она не умела доверять. В детдоме она научилась, что доверие — это роскошь, которую никто не дарит. Там каждый сам за себя. Там никто не придёт и не спасёт. Она выжила, потому что никому не верила.

Но сейчас она стояла перед дверью подвала и знала: ключ подходит. Она чувствовала это спиной, затылком, каждой клеткой тела.

Она вставила ключ в замок. Металл вошёл мягко, как в масло. Повернула. Замок щёлкнул — сухо, отчётливо, гулко. Вера дёрнула ручку, и дверь открылась.

За ней — лестница вниз. Узкая, с бетонными ступенями, стёртыми до блеска. Темнота. Сырой воздух ударил в лицо,

пахнуло землёй, плесенью и ещё чем-то сладковатым, приторным, отчего в горле пересохло. Вера сделала шаг. Под ногой хрустнул битый камень. Второй шаг. Третий.

— Вам туда не надо, — раздался голос за спиной.

Она резко обернулась. Сердце ударило в грудь, дыхание перехватило.

На лестничной площадке стоял мужчина. Пожилой, в сером свитере с высоким воротом, в тёмных брюках и домашних тапочках. В руках — книга. Кожаный переплёт, потёртый на сгибах. Седые волосы зачёсаны назад, на лице — лёгкая, вежливая улыбка. Глаза за стёклами очков холодные, прозрачные, как вода в ноябрьской реке.

Она узнала его. Тот же голос. Те же шаги. Сосед. Костин.

Он шагнул ближе, остановился в метре от неё. Улыбался. Но улыбка не касалась глаз.

— Я Владимир Сергеевич, — сказал он. — Ваш сосед. Квартира напротив. Я знал Зинаиду.

Вера смотрела на него. Она вспомнила, как он стоял под фонарём, как смотрел на её окно. Вспомнила его голос за стеной. «Она уже здесь». «Я знаю». Она не знала, кто был тот второй голос. Но теперь она знала, что Костин не один.

— Вы Вера? — спросил он. — Племянница Зинаиды?

— Да, — ответила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Я слышал, Зинаида оставила вам квартиру. Хорошая была женщина. Жаль, что ушла.

Он снова улыбнулся. Вера смотрела на его руки, которые

держали книгу. Пальцы были длинными, сухими, с выступающими венами. Они слегка дрожали — мелкая, нервная дрожь. Но голос был спокойным, ровным, как у человека, который привык контролировать себя.

— Она часто говорила о вас, — продолжал Костин. — Берегла ваши фотографии. Говорила, что вы её единственная родня. Поэтому и оставила квартиру.

— Она никогда не говорила обо мне, — сказала Вера. — Я не знала о ней.

— Наверное, не успела, — Костин вздохнул. — Болезнь. Сердце. Всё случилось быстро. Мы часто пили чай, обсуждали книги. Она была мудрой женщиной. Много знала. Много видела.

Вера смотрела на него. Она слышала его слова, но они проходили мимо. Она смотрела на его пальцы, которые дрожали. Смотрела на его улыбку, которая не касалась глаз.

— А что в подвале? — спросила она, кивнув на открытую дверь. — Почему вы сказали «туда не надо»?

Костин улыбнулся шире. Сделал шаг к ней, и она почувствовала запах табака и старой кожи. Запах, который уже начал преследовать её.

— Зинаида хранила там старые вещи. Фотографии, документы. Она была коллекционером. Любила историю. Подвал был её маленьким музеем. Но там ничего ценного, поверьте. Пыль да паутина. И сырость, которая вредит здоровью. Не ходите туда, особенно ночью. Вы простудитесь.

Он заглянул в дверной проём, за её спину. Взгляд скользнул по ступеням, ушёл в темноту. Когда он снова посмотрел на Веру, улыбка стала чуть жёстче.

— Вы уже спускались туда?

— Нет, — ответила она. — Я только открыла.

— И не надо, — сказал он. — Там ничего интересного. Просто старый хлам. Я сам разберусь с ним на днях. Закрою дверь, чтобы никто не заходил. Для вашей же безопасности.

Он снова улыбнулся. Вера кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Я не буду туда ходить.

Костин отступил на шаг.

— Если что-то понадобится — стучите. Я напротив. Всегда дома.

Он повернулся и пошёл к своей двери. Вера смотрела на его спину, на его плечи, на его руки, которые сжимали книгу. Он двигался медленно, плавно, но под его шагами половицы скрипели — тяжело, натужно, будто он весил больше, чем казалось.

Он зашёл в квартиру. Дверь закрылась. Щёлкнул замок.

Вера стояла в коридоре. Сердце стучало, в ушах шумело. Она смотрела на дверь подвала, которая была открыта. На лестницу, уходящую вниз. На темноту, которая ждала её.

Она медленно закрыла дверь. Ключ остался в замке. Она не вытащила его.

Потом она вернулась в свою квартиру, закрыла дверь, задвинула цепочку. Подошла к стене, которая отделяла её от

квартиры Костина. Приложила ухо к обоям. Слышала, как бьётся её собственное сердце. И за стеной — шаги. Тяжёлые, медленные. Они ходили по комнате, взад-вперёд, как зверь в клетке.

Потом голос. Тот же голос, что она слышала раньше, когда впервые вошла в квартиру.

— Она уже здесь.

И второй голос. Незнакомый. Мужской. Глухой, как из-под воды.

— Я знаю.

Шаги затихли. Тишина.

Вера отступила от стены. Она сжала кулаки, почувствовала, как ногти впиваются в ладони. Внутри неё поднимался холод. Она не знала, что делать. Она знала только одно: Костин лжёт. Он знает про подвал. Он знает про фотографии. Он знает про её отца.

Она подошла к столу, взяла в руки блокнот, который нашла во второй квартире. Открыла его, перечитала запись: «Жертва №3 — Сергей Соколов. 15 ноября 1993. Случайный свидетель. Убрали по необходимости. Исполнитель — я. Владимир Костин».

Она смотрела на эти слова, и внутри неё что-то закипало. Холодный, ровный гнев. Она не плакала. Она не кричала. Она просто смотрела на строчки, выведенные аккуратным, старомодным почерком.

Костин убил её отца. И он знал, что она здесь. Он ждал её.

Телефон зажужжал. Она взяла его. Сообщение с того же номера, что и раньше:

«Ты знаешь правду. Теперь он знает, что ты знаешь. Будь осторожна. Он не остановится. Уезжай, пока можешь. Или закончи это. Выбирай сама».

Вера смотрела на экран. Она не знала, кто писал ей. Она не знала, можно ли доверять этому человеку. Но она знала одно — она не уедет. Она не сбежит.

Она убрала телефон, подошла к двери, проверила замок. Потом выключила свет и села в кресло у окна, в темноте. Смотрела на двор, на мокрый асфальт, на фонарь, под которым уже никого не было.

Она ждала.

Она не знала, чего. Но она знала — что-то должно произойти. Что-то уже началось. И она не остановит это.

Она просто будет ждать.

За стеной снова слышались шаги. Медленные, тяжёлые. Потом скрип двери. И голос Костина:

— Она ещё здесь, — сказал он. — Я чувствую.

Второй голос, глухой, как из-под воды:

— Она никуда не уйдёт. Они никогда не уходят.

Вера сидела неподвижно. Она дышала ровно. Сжимала в руке ключ от подвала.

Она знала: завтра она вернётся туда. Она спустится по лестнице в темноту, в сырость, в запах земли и плесени. Она найдёт ответы. Она найдёт правду. Она найдёт то, что Ко-

стин прячет в подвале.

И тогда он заплатит.

— Я готова, — прошептала она в темноту. — Я готова ко всему.

За стеной — тишина. Только дождь стучал в окно, и ветер гудел в проводах за окном.

ГЛАВА 3

Вера сидела за столом, уставившись на тридцать фотографий, разложенных аккуратными рядами. Старый торшер, который она нашла в кладовке, бросал жёлтый круг света на выцветшие лица, на обои в цветочек, на пыльную скатерть, покрывающую столешницу. За окном шумел дождь — монотонный, бесконечный, он стучал по подоконнику, стекал по стеклу мутными ручьями, собирался в лужи на подоконнике. Внутри было тихо. Только гул старого холодильника на кухне, который включался каждые пятнадцать минут, и её собственное дыхание — ровное, но слишком частое.

Она сидела так уже час, не двигаясь. Сначала она просто смотрела на лица. Потом начала перебирать фотографии, как карты, одну за другой, переворачивая и читая подписи на обороте. Первый ряд — мужчина в очках с жидкими волосами, зачёсанными набок, в старомодном пиджаке. «Олег Морозов, 1992». Второй — женщина с короткой стрижкой, серьёзным лицом, высоким лбом и тонкими губами. «Светлана Нестерова, 1993». Третий — мужчина с усами, в клетчатой рубашке, стоит на фоне реки. «Николай Гущин, 1994». Четвёртый — молодая женщина с длинными волосами, заплетёнными в косу, с грустными глазами, которые смотрели в объектив с какой-то обречённостью. «Татьяна Романова, 1996».

Она смотрела на каждую фотографию и пыталась представить этих людей живыми. Кем они были? Кто их ждал дома? Кто искал их, когда они не вернулись? Она знала ответы на эти вопросы — она сама была такой же. Она ждала отца двадцать три года. Она искала его. Она не находила.

Вера взяла телефон, открыла браузер. Пальцы дрожали, когда она набирала первое имя. «Олег Морозов пропал без вести Иваново 1992». Экран загрузился, и она увидела знакомую страницу поискового отряда — она сама заходила на неё тысячи раз, когда искала отца. «Олег Викторович Морозов, 1970 года рождения, пропал 12 мая 1992 года. Последний раз видели у дома №7 по улице Красной Армии. Расследование прекращено. Местонахождение не установлено».

Дом №7. Тот самый адрес. Она сидела в нём сейчас. Его видели здесь. В этом доме. Может быть, он заходил в эту квартиру. Может быть, он сидел на этом самом диване. Может быть, она дышала тем же воздухом, которым дышал он, прежде чем исчезнуть.

Она перевела дыхание и продолжила. «Светлана Алексеевна Нестерова, 1965 года рождения, пропала 23 сентября 1993 года. Исчезла по пути с работы. Дело приостановлено». «Николай Петрович Гущин, 1962 года рождения, пропал 8 июня 1994 года. Ушёл на рыбалку, не вернулся. Тело не найдено». «Татьяна Евгеньевна Романова, 1971 года рождения, пропала 17 марта 1996 года. Уехала на дачу, не доехала. Расследование прекращено за отсутствием улик».

Она проверила ещё пять имён. Каждое совпадало. Все они пропали в Иваново в девяностые. Все они были здесь, в этой комнате, на этом столе. Их лица смотрели на неё с бумаги, и она чувствовала их взгляды — они не обвиняли, они не просили помощи. Они просто ждали. Как ждала она.

Вера смотрела на подписи на обороте каждой фотографии. Все они были сделаны одним почерком — аккуратным, старомодным, с наклоном вправо. Буквы выведены чернильной ручкой, одинаково ровно, будто каллиграф выводил каждую букву с особой тщательностью. Зинаида. Это Зинаида подписывала каждую фотографию. Она знала их всех. Она знала их имена, их лица, их даты исчезновения. Она коллекционировала их. Она хранила их, как трофеи.

Вера взяла фото отца. Сергей Соколов улыбался ей с выцветшего снимка — той же улыбкой, что она помнила из детства, когда он подбрасывал её на руках, когда он читал ей сказки на ночь, когда он уходил за хлебом и не вернулся. Ему было тридцать два года на этом снимке. Он был молод, у него были тёмные волосы, которые он зачёсывал назад, ясные глаза и лёгкая щетина на щеках. Она помнила его глаза. Она помнила, как он смотрел на неё, когда она была маленькой. Как он говорил: «Ты моя дочка. Ты моя кровь. Никогда не сдавайся».

Он ушёл за хлебом в ноябре девяносто третьего. Она ждала его целый день. Потом неделю. Потом месяц. Мать искала его, звонила в милицию, объезжала больницы и морги. Она

искала его десять лет. Она не нашла. Она умерла в две тысячи пятнадцатом, так и не узнав правды.

А он был здесь. В Иваново. У женщины, о которой Вера никогда не слышала. В коллекции пропавших людей.

Вера перевернула фото отца и снова посмотрела на подпись. «Сергей Соколов, 1993». Тот же почерк. Те же чернила. Зинаида знала его. Она держала его фото в своей коллекции. Как все остальные. Как трофей.

Почему мать ничего не говорила о Зинаиде? Она же знала о ней. Но она никогда не упоминала сестру. Ни разу. Когда Вера спрашивала о семье, мать говорила: «Никого у нас нет. Только мы с тобой». Она лгала. Все эти годы она скрывала правду.

Вера отложила снимок и взяла следующую фотографию. Светлана Нестерова. Женщина в платке, с короткой стрижкой, с серьёзным лицом и тонкими губами. Вера посмотрела на её левую руку, которая лежала на колене. На запястье — родинка. Маленькая, тёмная, почти незаметная на серой плёнке. Но она была там, отчётливая, как метка.

Вера взяла другую фотографию. Николай Гушин. Мужчина стоял у реки, опершись о весло, в светлой рубашке с закатанными рукавами. На левом запястье, там, где кожа открыта, — та же родинка. Такое же тёмное пятнышко, почти в том же месте.

Она проверила Татьяну Романову. Та же родинка на левом запястье. Олег Морозов — та же родинка. Все они. У всех

тридцати человек на левом запястье была родинка. Одинаковая. Одно и то же место на руке. Один и тот же размер. Одна и та же форма.

Вера застыла. Она посмотрела на свои руки. На левом запястье, прямо над косточкой, у неё тоже была родинка. Такая же. Она всегда считала это просто родинкой. У многих есть родинки. Но здесь, глядя на эти фотографии, она поняла — это не случайность.

Она вспомнила, как отец показывал ей свою родинку. Ей было лет пять. Она сидела у него на коленях в старой квартире в Рязани, перед телевизором. Он закатал рукав рубашки и показал ей руку. «Смотри, дочка, у нас с тобой одинаковые родинки. Это значит, что ты моя кровь. Моя наследница». Она помнила его улыбку, его тёплые глаза, его голос. Она помнила, как он погладил её по голове и сказал: «Я всегда буду с тобой, даже если меня не будет рядом».

Она проверила фотографию отца. Там, где закатан рукав рубашки на левой руке, под тенью от плёнки, она увидела родинку. Она увеличила снимок на телефоне, приблизила изображение до пикселей. Да. Она была.

Вера медленно положила телефон на стол. В горле пересохло, руки дрожали. Она не знала, что это значит. Может быть, Зинаида выбирала людей с родинками. Может быть, у них была какая-то связь. Может быть, родинка была меткой. Но она знала одно — это не случайность. Тридцать человек с одинаковой родинкой на левом запястье — такого не бывает.

Она взяла последнюю фотографию в стопке. Та, что лежала отдельно от остальных. Молодая девушка, похожая на Веру. Те же глаза, те же скулы, та же линия губ. На обороте подпись: «Вера, 1999». Она смотрела на фото, и внутри неё всё сжималось. Кто эта девушка? Почему она так похожа на неё? Почему она тоже часть этой коллекции?

Вера проверила запястье девушки на фото. Родинка на том же месте. Та же самая родинка.

Она сжала фотографию. Пальцы побелели, края бумаги впились в кожу. Она не дышала. Внутри неё поднималось что-то тёмное, холодное, страшное. Она не знала, что это. Она не знала, боится она или злится.

— Кто ты? — прошептала она в тишину. — Почему ты похожа на меня?

За стеной раздался звук. Тихий, царапающий, как будто кто-то водил ногтем по обоям, медленно и мерно, раз за разом. Вера застыла. Она перестала дышать. Звук повторился. Три долгих царапины, потом пауза. Ещё три царапины. Потом тишина.

Она медленно встала. Движения были плавными, бесшумными, как у человека, который не хочет привлекать внимание. Она подошла к стене, отделяющей её квартиру от соседней. Номер четыре. Пустая квартира. Но она чувствовала — там кто-то есть. Она приложила ухо к холодным обоям. Сначала ничего. Только гул проводов в штукатурке. Потом — шёпот. Голос был тихим, хриплым, мужским. Он доно-

сился из-за стены, из пустой квартиры.

— Ты уже видела их, Вера? — говорил он, как будто знал, что она слушает. — Видела родинки?

Она отпрянула, но снова прижалась к стене, затаив дыхание.

— Они все там. Все тридцать. Все с родинками. Все с метками. И ты будешь следующей. Ты уже часть коллекции. Ты просто ещё не знаешь об этом.

Голос замолк. Тишина. Только дождь за окном, стучащий по стеклу, и её собственное дыхание, слишком громкое в этой тишине. Она стояла у стены, не шевелясь. Она слышала, как бьётся её сердце. Она ждала. Но голос больше не повторился.

Вера отступила на шаг. Спиной она чувствовала стену, которая была между ней и тем, кто говорил. Она смотрела на пустой угол комнаты, на обои в цветочек, на пыльную люстру на потолке. Она одна. В пустой квартире. За стеной — пустая квартира, которую никто не снимал больше года. Ей сказал об этом нотариус. «В этой квартире никто не живёт. Там даже мебели нет. Два года пустует».

Но голос был. Он был реальным. Она слышала его отчётливо.

Вера подошла к входной двери, отодвинула цепочку, вышла в коридор. Включила свет. Коридор был пуст, выметен, только пыль на полу и старые половицы, скрипящие под ногами. Дверь квартиры номер четыре заперта. На двери висел

замок, покрытый слоем пыли. Вера приложила ухо к двери — тишина. Ни звука.

Она вернулась в свою квартиру, закрыла дверь, задвинула цепочку. Потом проверила окна — заперты. Проверила шкафы — пусто. Проверила ванную, кухню, кладовку. Никого. Она была одна.

Она снова села за стол, взяла фото «Веры» 1999 года. Посмотрела на родинку на левом запястье. Потом на свою руку. У неё тоже была родинка на левом запястье. Там же. Та же самая, как она всегда думала. Теперь она была не уверена.

Она вспомнила мать. Как она боялась темноты. Как всегда зажигала свет во всех комнатах, даже когда шла в туалет ночью. Как просыпалась от любого шороха. Вера всегда думала, что мать просто нервная, что у неё проблемы с психикой. Она не понимала, почему мать так боится. Теперь она начинала понимать. Мать боялась не темноты. Она боялась, что кто-то придёт. Что кто-то найдёт их. Что Костин или Зинаида придут за ней.

Телефон зажужжал. Она взяла его. Сообщение с того же номера, с неизвестного, которое появлялось снова и снова. Одно слово: «Уезжай».

Вера смотрела на экран. Она не ответила. Она убрала телефон в карман и взяла в руки фото отца. Посмотрела на его улыбку, на его глаза, на родинку на его запястье.

— Я не уеду, — сказала она в тишину, и голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Я узнаю правду. Я узнаю, что

случилось с тобой. Я узнаю, что ты делал здесь. Я узнаю, почему ты не вернулся.

За стеной — тишина. Только дождь, стучащий по стеклу, монотонный и бесконечный. И шёпот, который она больше не слышала, но чувствовала спиной, затылком, каждой клеткой тела:

— Она уже здесь. Она уже часть коллекции.

Вера сидела неподвижно, сжимая в руках фотографию отца. Она не боялась. Она была готова. Она была готова к тому, что придёт. Что бы это ни было.

ГЛАВА 4

Вера стояла в коридоре, глядя на дверь квартиры номер четыре. Дождь за окном стих, превратившись в мелкую морось, которая оседала на стекле и стекала по подоконнику. В квартире было тихо. Только холодильник гудел и ветер завывал за окном, пробиваясь сквозь старые рамы. Она знала, что там никто не живёт. Но голос, который она слышала, был реальным. Он был там. Она не могла ошибиться.

Она снова вышла в коридор. Подошла к двери номер четыре, подняла руку и постучала. Три удара — костяшками пальцев по дереву, гулко, отчётливо. Тишина. Она постучала снова. Никто не ответил. Она приложила ухо к холодной поверхности — ничего. Только сквозняк, который тянул из щелей, холодный, сырой, с запахом пыли и старого дерева.

Вера нажала на ручку. Дверь была заперта. Она попробовала дёрнуть её — замок держал. В замочной скважине виднелась пыль, значит, дверь не открывали давно. Но она слышала шаги за этой дверью. Она слышала голос. Он был там.

Она отошла от двери, постояла, глядя на облупившуюся краску и старый номерной знак. Потом развернулась и пошла вниз, на первый этаж. Половицы под ногами скрипели, перила шатались. На лестничной площадке первого этажа она увидела дверь с табличкой «2» и нажала на звонок.

Никто не открыл. Она позвонила снова. Через минуту за

дверью послышались шаркающие шаги, и голос, старческий, сиплый, спросил:

— Кто там?

— Вера Соколова, — ответила она. — Племянница Зинаиды. Я хотела бы поговорить с вами.

Тишина. Потом щелчок замка. Дверь приоткрылась на цепочку, и в щели показалось лицо пожилой женщины. Ей было под семьдесят — седые волосы собраны в пучок, глубокая сеть морщин вокруг глаз, тонкие губы, сжатые в нитку. Она смотрела на Веру настороженно, но без враждебности.

— Племянница? — переспросила она. — У Зинаиды была племянница?

— Я сама не знала, — сказала Вера. — Она оставила мне квартиру. Я приехала только сегодня.

Женщина помолчала, потом сняла цепочку и открыла дверь шире. Она была маленькой, сутулой, в стареньком халате, на ногах — войлочные тапки. Из квартиры пахло капустой и тушёным мясом. Старая кухня, старая жизнь.

— Заходи, — сказала она. — Я Галина Степановна. Соседка снизу. Ты, наверное, устала с дороги.

Вера зашла. Квартира была маленькой, тесной, заставленной старой мебелью. На стенах висели ковры, на полках — фарфоровые статуэтки, на подоконнике — горшки с геранью. Всё здесь дышало прошлым, как и квартира Зинаиды.

Галина Степановна прошла на кухню, поставила чайник, жестом предложила сесть. Вера села на старенький стул, по-

смотрела на хозяйку. Та двигалась медленно, но уверенно, привыкшая к каждому углу в своей квартире.

— Ты знала свою тётку? — спросила Галина Степановна, не оборачиваясь.

— Нет, — ответила Вера. — Я не знала о ней. Мать никогда не говорила о сестре.

— Понятно, — сказала Галина и покачала головой. — Они не общались. Я знаю. Зинаида говорила мне, что у неё есть сестра, но они не виделись много лет. Что-то случилось между ними. Что-то связанное с женщиной. С мужем твоей матери, наверное. Или с кем-то ещё. Она не рассказывала подробностей.

Вера сжала пальцы, но не стала перебивать.

— Вы знали Зинаиду хорошо?

— Соседи, — Галина Степановна пожала плечами, доставая чашки. — Двадцать лет жили рядом. Я видела её почти каждый день. Странная была женщина. Молчаливая. Всегда одна. Никто к ней не приходил, она никуда не ходила. Сидела дома, читала, что-то писала. А ночью спускалась в подвал.

Она поставила перед Верой кружку с чаем, села напротив.

— Я видела из своего окна, — продолжала она. — Зажжёт фонарик и вниз. Часов в одиннадцать, в двенадцать. Иногда задерживалась до утра. Я думала, вещи хранит. Или просто хочет побыть одна. Но потом я слышала голоса.

Вера застыла.

— Голоса?

— Ну да, — Галина Степановна отхлебнула чай. — Мужские и женские. Крики, плач. Я думала, телевизор. Но откуда телевизор в подвале? Мысли такие были. Я не придавала значения, пока не начали пропадать люди.

Вера поставила кружку, чувствуя, как внутри всё холодеет.

— Какие люди?

— Разные, — сказала Галина, и её голос стал тише. — Сначала Олег из второго подъезда. Молодой парень, приятный. Я часто здоровалась с ним. Потом Светлана из соседнего дома. Работала на фабрике. Она приходила к Зинаиде несколько раз. Потом ещё кто-то. Я не помню всех. Но они пропадали. И каждый раз, когда кто-то пропадал, я слышала голоса в подвале. Сначала крики, потом плач. А потом — тишина.

— Вы звонили в полицию?

Галина Степановна усмехнулась, горько, с вызовом.

— Звонила. Не раз. Они приходили, спрашивали Зинаиду, она говорила, что ничего не знает. И всё замяли. Кто тогда занимался? Девяностые, сами понимаете. Беспредел. Никто не хотел связываться. А потом я сама испугалась. Я боялась, что они придут за мной.

— Они? — переспросила Вера. — Кто «они»?

Галина Степановна посмотрела на неё. Глаза её были усталыми, но внутри теплился огонёк — страх или предупреждение.

— Зинаида и её друг. Владимир Сергеевич. Костин. Он всегда был рядом с ней. Они много времени проводили вместе. Я думала, они любовники. Он часто заходил к ней, оставался до ночи. А когда Зинаида болела, он заботился о ней. Но я видела его глаза. Он улыбается, но глаза — мёртвые. Я его боюсь.

Вера смотрела на неё, пытаясь удержать в голове все детали.

— Вы видели, как они что-то выносили из подвала? — спросила она.

Галина Степановна поморщилась.

— Мешки. Тяжёлые. Они выносили их ночью, когда все спали. Я видела из окна. Костин тащил мешки к машине, Зинаида шла за ним. Она не помогала, просто смотрела. Как будто они делали это не в первый раз. — Она замолчала, провела пальцем по ободку кружки. — Я не хотела знать, что было в этих мешках. Я боялась узнать.

Вера сидела, чувствуя, как в груди разрастается холод. Она знала, что тётка была убийцей. Она читала записи в блокноте, видела дневник Костина. Но слышать это от живого человека, от свидетеля, было хуже. Гораздо хуже.

— Костин знает, что я здесь, — сказала Вера.

— Знает, — кивнула Галина. — Он всегда знает. Он следит за всем, что происходит в этом доме. Он не упустит тебя. Уезжай, пока можешь. Пока он не сделал с тобой то же, что сделал с другими.

Вера поднялась.

— Я не уеду, — сказала она. — Я узнаю правду. Спасибо вам.

Галина Степановна кивнула, не глядя на неё.

— Будь осторожна, — сказала она. — И не доверяй улыбке.

Вера вышла из квартиры, поднялась на второй этаж. В коридоре было темно — лампочка погасла, и только серый свет из окна на лестничной клетке разгонял тьму. Она остановилась на площадке, глядя на дверь своей квартиры.

— Добрый вечер, Вера, — раздался голос за спиной.

Она обернулась.

Костин стоял у стены, прислонившись плечом к облупившейся краске. Он был в том же сером свитере, в очках, с книгой в руках. Он улыбался. В другой руке он держал ключ от подвала — тот самый, старый, с круглой головкой. Он вертел его в пальцах, медленно, как чётки.

— Галина любит сплетничать, — сказал он. — Не верьте ей. Зинаида была просто одинокой женщиной. Она любила проводить время в подвале. Там тихо, никто не мешает. Я часто помогал ей с вещами.

Вера смотрела на него.

— Вы знаете, что она убивала людей, — сказала она.

Костин улыбнулся шире. Глаза за стёклами очков остались холодными.

— Зинаида была больна, Вера. Она не понимала, что де-

лает. Я пытался помочь ей, но не смог. Её болезнь прогрессировала. Она умерла, оставив всё это вам. Я не хочу, чтобы вы страдали. Оставьте прошлое в прошлом.

Он шагнул к ней, протянул руку с ключом.

— Я заколочу дверь в подвал, — сказал он. — Для вашей же безопасности. Чтобы вы не нашли там того, что вас испугает.

Вера не взяла ключ. Она смотрела ему в глаза. Она не дрожала. Она не боялась. Она смотрела прямо в его холодные, пустые глаза и чувствовала только одно — она больше не позволит ему управлять ею.

— Оставьте дверь открытой, — сказала она. — Я сама решу, что мне видеть, а что нет.

Костин на мгновение замер. Улыбка дрогнула — на секунду, незаметно, но Вера заметила. Потом она вернулась.

— Хорошо, — сказал он. — Как пожелаете.

Он развернулся и пошёл к своей квартире, на пороге обернулся.

— Доброй ночи, Вера. Сладких снов.

Он зашёл внутрь, и дверь за ним закрылась. Вера осталась одна в коридоре, слыша, как его шаги удаляются в глубине квартиры. Потом — голос. Снова тот же голос, который она слышала за стеной.

— Она не уйдёт. Она упрямая.

И второй голос — глухой, как из-под воды:

— Они всегда упрямые. Пока не увидят.

Вера подошла к своей двери, зашла внутрь, закрыла на замок. Задвинула цепочку. Проверила окна.

Она смотрела на ключ от подвала, который всё ещё был у неё. Она сжимала его в ладони и знала — она спустится туда. Скоро. Очень скоро.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.